

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ МИР: ИСТОРИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Бондаренко Д. М.

Институт Африки РАН, Москва, Россия

В той форме, в которой национальное государство известно поныне, оно сложилось в Европе и Северной Америке в Новое время и пережило пору своего расцвета в XIX–XX вв., будучи адекватно реалиям мира промышленного капитализма и культурного национализма. Однако в конце XX — начале XXI вв. в мире доминируют иные тенденции и процессы — связанные с глобализацией и постиндустриализмом. В самом Западном мире сегодня вынуждены пытааться отойти от устоявшейся концепции нации и искать пути решения совершенно иной задачи — поддержания единства граждан государства при сохранении привнесенного мигрантами со всего света культурного многообразия. В этой ситуации не исключено, что постколониальные страны, сохраняющие изначальную мультикультурность, могут оказаться в выигрышном положении, если в них откажутся от попыток строить нации по устаревшей классической модели.

Ключевые слова: постколониальное общество; нация; национальное государство; глобализация; мультикультурализм.

Постколониальные общества Азии и Африки — уникальное явление всемирной истории. Их появление на свет в середине XX в. не явилось результатом многовековых внутренних социальных процессов, но было непосредственно обусловлено образованием, недолгим (по историческим меркам) существованием и распадом колониальных империй европейских стран. Границы колоний отражали, прежде всего, соотношение сил между державами-метрополиями в том или ином регионе, но не предшеству-

ющий ход его собственной политической, социальной, экономической и культурной истории. В пределах той или иной колонии за редкими исключениями насилием объединялось множество народов, зачастую с очень отличающимися друг от друга культурами. И в то же время не менее часто границы колониальных владений разделяли один народ или рвали исторически сложившиеся региональные системы экономических и культурных связей. Точно так же колонизаторами, с одной стороны, принудительно объединялись народы, ранее не образовывавшие региональных политико-экономических систем, находившиеся на разных уровнях социокультурной сложности, которые иногда даже не ведали о существовании друг друга или были историческими врагами. С другой стороны, народы и общества, связанные единством исторических судеб или сложившимися торговыми связями, зачастую оказывались разделенными колониальными границами. Эти характеристики дополнялись стадиальной и цивилизационной гетерогенностью колониальных социумов. Насажденные европейцами в различных сферах элементы капитализма не синтезировались с комплексом докапиталистических черт местных обществ. Так же мало пересекались автохтонные и возникшие в результате деятельности колонизаторов секторы общественной жизни, в которых доминировали принципиально разные системы ценностей.

Искусственные поликультурность и полисоциумность, стадиальная и цивилизационная гетерогенность оставались определяющими характеристиками большинства колониальных обществ на всем протяжении их существования и вместе с колониальными границами были унаследованы обществами постколониальными. Постколониальные государства есть наследие колониализма в том отношении, что, когда колонизаторы уходили, мир уже был «глобальным». Собственно, он и стал таковым благодаря освоению мира европейцами, начиная с эпохи Великих географических открытий — «подвигу Запада» по выражению Ф. Броделя [1, 428–440]. Суверенное же национальное государство — та форма

политической организации, которая позволяет сегодня той или иной общности являться полноценным субъектом международного права, т. к. в его основе лежит идея о таком государстве как базовой единице международных отношений, мировой политики. Таким образом, альтернативы провозглашению суверенных национальных государств у постколониальных стран попросту не было.

При этом в постколониальных условиях порожденные колониализмом проблемы приобрели новые измерения, в частности, связанные с необходимостью замещения колониальных государств суверенными национальными государствами. И, соответственно, с задачей максимально быстрого формирования национального — социокультурного, системоценностного — единства граждан, при котором в их иерархии идентичностей и самоидентификаций принадлежность к общности сограждан занимает более высокое место, чем членство в какой бы то ни было общности, охватывающей лишь их часть (региональной, конфессиональной и т.д.). В Европе нации как форма культурного единства гражданских обществ и национальные государства как форма их политической организации вызревали в течение веков вследствие постепенной реализации внутренних предпосылок к этому. В итоге в пределах национальных государств установилось соответствие культурных и политических границ [2], а в результате сложения гражданского общества был преодолен разрыв между ним и государством [3; 4, 61–73]. В большинстве же постколониальных стран Азии и Африки, образовавшихся как во многом случайный и разнородный конгломерат культур и социумов, внутренняя социокультурная динамика местных обществ не вела к формированию наций и национальных государств, феноменов по природе своей европейских. Немало постколониальных государств все еще нащупывают путь к обретению внутренней органичности, социокультурной, национальной цельности.

Таким образом, специфика общества и государства в постколониальных странах является следствием особого пути их фор-

мирования. Начав складываться в своем нынешнем виде в колониальный период, а потому воспроизводя форму политических институтов и правовые нормы Запада Нового времени, постколониальное государство не могло автоматически усвоить присущего им содержания, вложенного гражданским обществом, самостоятельно сложившимся в Европе, но не в Азии и Африке [5, 26–32]. Наиболее важной особенностью процесса формирования наций в постколониальных странах является изначально ведущая роль в нем не общества, а государства. Поскольку в афро-азиатских странах гражданское общество в колониальный период не сложилось, его самоорганизация в нацию сразу после получения колониями независимости не была возможна, а потому интегрирующую роль могло взять на себя только государство. Таким образом, в постколониальных странах строительство наций было инициировано и направлялось внешней по отношению к обществу, вставшей над ним силой. Этим определяется своеобразие не только процесса, но и результатов на сегодняшний день формирования постколониальных наций, в частности, сохраняющийся существенный разрыв между обществом и государством, недостаточная сила влияния первого на второе. При этом постколониальное государство оказалось гораздо более устойчивым и способным адаптироваться к переменам на глобальном, региональном и национальном уровнях, чем казалось исследователям еще десятилетие назад [6, 22–43; 7]. Несмотря на то, что складывание институтов гражданского общества и повышение их роли в последние десятилетия — несомненный факт общественно-политической жизни многих афро-азиатских стран, центральная роль в них государства, его первичность по отношению к социальным и экономическим институтам, т.е. способность не просто обслуживать и направлять, но и формировать их, а вместе с ними — и саму систему общественных отношений, как правило, сохраняется. Лишенные внутренних предпосылок для становления в нынешних границах и при этом имеющие новоевропейскую по происхождению политическую систему, пост-

колониальные страны все еще могут оставаться жизнеспособными только при большой (в сравнении с либеральным Западом) роли государства; в том числе при сохранении его «конструктивистской» роли в строительстве наций. Проблема этих стран заключается не в том, что в них государство имеет более важное, определяющее значение, нежели на Западе. Суть проблемы в том, что постколониальные государства зачастую оказываются недостаточно эффективными с точки зрения их собственной исторической и социокультурной логики [8].

Проведенный нами на основе данных, собранных в ходе полевых исследований 2003–2010 гг., сравнительный анализ процесса становления наций в Танзании и Замбии — двух соседних африканских государствах, в прошлом — владениях Великобритании показал, что вследствие лучших исторических предпосылок на сегодняшний день Танзания ближе, чем Замбия (и вообще большинство стран субсахарской Африки) подошла к сложению нации как общности сограждан, приверженных единым базовым ценностям, обладающих единой культурой и идентичностью поверх локальных и частных — этнических, региональных, конфессиональных — культур и идентичностей с их системами ценностей, и для которых лояльность одному для всех них национальному государству первична по отношению к обусловленным ими различиям. В Замбии же локальные идентичности, особенно трибальные и этнические, намного более значимы, чем в Танзании [9, 33–39; 10, 40–46]. Но это сравнение наталкивает на мысль о возможном существовании важного парадокса. Его суть становится понятной при проведении аналогии между социокультурной и экономической историей постколониальных государств. В первые десятилетия независимости многие из них стремились воплотить в жизнь так называемую «модель догоняющего развития», т.е. ставили задачу индустриализации страны, создания экономической системы, подобной существовавшей в развитых странах. Эта модель не оправдала себя: пока постколониальные страны пытались индустриализироваться,

Первый мир уже переходил в постиндустриальное состояние, и разрыв между ним и Третьим миром только увеличивался. Так же в постколониальных государствах ставилась и продолжает ставиться задача строительства наций по образцу европейских наций Нового времени, несмотря на колоссальные трудности такого строительства, связанные, в том числе, с отличиями от европейских афро-азиатских традиционных политических культур, социальных институтов, систем ценностей и т.д. Однако в самом Западном мире сегодня уже вынуждены пытаться отойти от концепции нации, утвердившейся к концу XVIII в. благодаря в первую очередь Великой французской революции [11; 12; 13], и искать пути решения совершенно иной задачи — поддержания единства граждан государства при сохранении привнесенного мигрантами со всего света культурного многообразия. Не единая культурная, системоценностная идентичность, доминирующая над идентичностями локальными и частными, но равноправное сосуществование множества культурных идентичностей акцентируется ныне как новая базовая национальная ценность, как источник национального развития в современных условиях интенсивной глобализации.

Соответственно, глобализация — социокультурная, политическая, экономическая — ставит под сомнение будущее и национального государства как формы политической организации, и концепции суверенитета как основы его легитимности. Не надо забывать, что национальное государство — явление историческое, т.е. возникающее в определенных исторических условиях и исчезающее с их изменением. В той форме, в которой национальное государство известно поныне, оно сложилось в Европе и Северной Америке в Новое время и пережило пору своего расцвета в XIX–XX вв., будучи адекватно реалиям мира промышленного капитализма и культурного национализма. Однако на грани XX и XXI вв. в мире доминируют иные тенденции и процессы — связанные с глобализацией и постиндустриализмом. Не удивительно, что и новоевропейская концепция суве-

ренитета как основного атрибута национального государства, утверждающая отдельное национальное государство в статусе главного субъекта международных отношений, также переживает очевидный кризис [14, 94–97; 15, 29–94, 163–304.]. Создание Европейского союза в 1993 г. стало первой попыткой (с до сих пор не вполне ясным исходом) наделить высшим суверенитетом транснациональные политические институты (а не создать объединение суверенных государств, подобное Африканскому союзу, Лиге Арабских государств, Организации Объединенных Наций и т.д.). Вероятно, в постиндустриальном и постсовременном глобальном мире нас ждет появление на свет и постнационального государства, одним из оснований которого будет отказ от национального суверенитета (но не политической независимости) как главного атрибута государства в пользу трансгосударственных институтов управления. Параллельно будет формироваться и глобальная транснациональная культура, не упраздняющая, но объединяющая культуры национальные. Культурный национализм же утрачивает конгруэнтность патриотизму: как национальный патриотизм, он превозносит преданность согражданам как людям одной культуры, системы ценностей, тогда как ныне согражданство не подразумевает такого единства априори, а потому все более превращается в сугубо правовую категорию, постепенно лишаясь культурного и национального наполнения. Если некогда нации возникали в результате приведения в соответствие культурных и политических идентичностей, то ныне они снова могут не совпадать: сегодня быть членом нации означает, в том числе, способность проявлять толерантность к инокультурным согражданам.

В такой ситуации не является ли более перспективным положение не Танзании, а Замбии и постколониальных стран, подобных ей, коих большинство? Тем более что в них основной водораздел пролегает между культурами составляющих абсолютное большинство населения автохтонных народов, различия между которыми не столь разительны, как между культурами коренного

населения и многих общин мигрантов — двух основных «культурных акторов» в современных странах Запада. На сегодняшний день поставленный нами вопрос не имеет достоверного ответа, в том числе ввиду неясности перспектив мультикультурализма на Западе, по-прежнему играющем ведущую роль в глобальных социокультурных процессах.

Литература

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности. М.: Прогресс, 1986.
2. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1983.
3. Breuilly J. Nationalism and the State. Manchester: Manchester University Press, 1993.
4. Breuilly J. Nationalism and the State // Nations and Nationalism: A Reader / eds. P. Spencer, H. Wollman. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005.
5. Бондаренко Д. М. «Универсальная» концепция прав человека и «африканская специфика» // Культурные аспекты и право-применительная практика в области прав человека в Африке / ред. А. Л. Рябинин. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
6. Nugent P. States and Social Contracts in Africa: Time, Space and the Art of the Possible // Africa: Power and Powerlessness / eds. H. Horáková, P. Nugent, P. Skalník. Berlin: LIT for Metropolitan University Prague, 2011.
7. Young C. The Postcolonial State in Africa. Fifty Years of Independence, 1960–2010. Madison, WI: The University of Wisconsin Press, 2012.
8. Chabal P., Skalník P. (eds.) Africanists on Africa. Current Issues. Berlin: LIT for The University of Hradec Králové, 2010.
9. Бондаренко Д. М. Африка: формирование наций и этнорасовая толерантность. Ч. 1 // Азия и Африка сегодня. 2011, № 12.

10. Бондаренко Д. М. Африка: формирование наций и этнорасовая толерантность. Ч. 2 // Азия и Африка сегодня. 2012, № 1.
11. Dann O., Dinwiddie J. R. (eds.) Nationalism in the Age of the French Revolution. London; Ronceverte, WV: Hambledon Press, 1988.
12. Bell D. A. The Cult of the Nation in France: Inventing Nationalism, 1680–1800. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.
13. Keitner C. I. The Paradoxes of Nationalism. The French Revolution and Its Meaning for Contemporary Nation Building. Albany, NY: State University of New York Press, 2007.
14. Turner T. Shifting the Frame from Nation-state to Global Market. Class and Social Consciousness in the Advanced Capitalist Countries // Globalization: Critical Issues / ed. Chun A. London: Berghahn Books, 2004.
15. Kapferer B., Bertelsen B. E. (eds.) Crisis of the State. War and Social Upheaval. N. Y.; Oxford: Berghahn Books, 2012.